

дователи Кургиняна считают важной задачей в господствующей социальной группе, в капитале, в бизнесе отделить от доминирующей паразитической, компрадорской части тех, кто настроен действительно патриотически и готов работать на возрождение общества. По мнению Кургиняна, россияне, народы других постсоветских республик, обладают уникальным опытом социально-экономического строительства и могут при определенных обстоятельствах помочь всему миру, фашизирующемуся, сползающему к глобальной дестабилизации и войне, выйти на новый перспективный уровень организации, на новые принципы взаимоотношений людей и народов [6].

Выводы. Более обстоятельный анализ ситуации в стране, на постсоветском пространстве и в мире, учёт тенденций и закономерностей общественного развития подтверждают выводы о том, что либеральный политический алармизм постсоветского пространства мало продуктивен. Во многих случаях экспорт либерализма из стран ядра капиталистической миросистемы в периферию и полу-периферию является инструментом подчинения последних первому. При этом можно в основном согласиться с оценками и логикой патриотического крыла российских алармистов, признавая, однако, что шансы на сохранение страны, возрождение потенциала народа, на уход России от статуса сырьевого придатка в мировой капиталистической системе в обозримом будущем весьма невелики.

Список литературы: 1. <http://axio.eot.su/index.htm>. 2. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5. 3. Джемаль Г. Нас ждет Третья мировая и новая русская революция // <http://svpressa.ru/politic/article/50243>. 4. Дугин А. Четвёртая политическая теория // <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/140309014819.xhtml>. 5. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. – М.: Алгоритм, 2007. – 704 с. 6. Манифест движения «Суть времени» // <http://eot.su/manifest>.

*Ченцова А. С.
г. Белгород, Россия*

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Постсоветское пространство в наше время – чрезвычайно динамичная, нестабильная территория. Отношения между государствами региона очень часто носят напряженный и противоречивый характер. Значительную составляющую в решении межнациональных проблем занимает лингвокультурная составляющая. Язык в массовом сознании расценивается как национальный символ, особая «этническая» ценность, мощное средство этнической мобилизации. Об этом в своё время говорил ещё В. Г. Белинский: «Все народы потоку только и образуют своею жизнью один общий аккорд всемирно-исторической жизни человечества, что каждый из них представляет собою собственный звук в этом аккорде, ибо из совершенно одинаковых звуков не может выйти аккорд» [3, С. 5].

Известный американский политолог Бенедикт Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» рассматривает данный вопрос, где «битве языков» даёт своё определение: «лингвистический национализм» [2, С. 210].

Как правило, наибольшее внимание языковой политике уделяют народы, борющиеся за свою независимость. Особенно сложен вопрос языковой ситуации в регионах,

в которых сам факт разнообразия этносов, культур и языков используется для обострения межэтнической власти и собственности.

Этноязыковой механизм в постсоветских странах носит несколько аранжированный характер. Тенденция этнократического подхода нашла своё выражение в проведении политики о статусе языков титульных национальностей. Титульным языком принято называть язык этноса, по которому названо национально-государственное или национально-территориальное образование [6]. Результаты изучения этноязыковой политики позволяют представить всю совокупность государств постсоветского пространства в виде пяти моделей.

Первая модель является наиболее жесткой, этноэгоистичной. Проявляется в исключении русского языка из административной и социальной сферы, прекращении его преподавания в вузах и школах, запрет на «делопроизводство и общение на русском языке», использование его в официальных государственных документах, увольнение работников, плохо знающих титульный язык, штрафование на суммы (около 10–50 латов) за недостаточный уровень знания [1, С. 88].

Данная модель находит яркое применение в странах Балтии. Особенно болезненно на себе это ощущают смешанные семьи.

Вторая модель является мягкой формой аналогичной политики, которая требует знание титульного языка и возможность использования русского языка в быту. Замена русского языка украинским во всех социальных сферах вызывает недовольство населения Южной, Центральной и Восточной Украины, где население, в целом, владеет двумя языками. Ярким примером послужили парламентские выборы в Украине в марте 2002 г., когда, во время переписи населения, каждый второй назвал русский язык своим родным языком, хотя официально этнических русских на всей территории страны 12–15%.

Третья модель этноязыкового национализма урезает число сфер использования русского языка в регионе путём сокращения числа русскоязычного населения, вынужденного уезжать из этих районов. Эта модель используется такими странами, как: Узбекистан, Туркмения, Грузия, Азербайджан. Сокращение программы преподавания русского языка в этих странах происходит наряду с расширением объема преподавания английского и турецкого языков, которые представляются как более привлекательные для школьников и студентов вузов. В этих странах отмечается «информационный геноцид» русского языка на каналах местного телевидения и радиовещания, вводятся ограничения на использование русского языка в рекламе. Увольняются все русскоязычные, занимающие хозяйственные и административные посты. Осуществляется попытка поместить русский язык вне социального информационного пространства.

Четвертая модель «диалога», компромисса не устраивает полностью ни одну из участвующих в ней сторон. Находит своё яркое проявление в Киргизии и Казахстане, где русский язык не признан государственным, ему придан статус официального языка благодаря широкому использованию в официальной и повседневной жизни. Целые районы не имеют казахского населения, и, следовательно, отсутствует языковая среда, поэтому опыт по обучению всего населения казахскому и киргизскому оказался неудачным. Даже в период самого большого натиска националистических сил в начале 90-х годов согласно социологическому опросу больше половины населения Казахстана (57,1%) выступили за придание русскому языку статуса второго государственного (опрос июля 1994 г. 1116 человек по республиканской выборке, «Мнение»).

Пятая модель активно применяется внутри России, подчеркивается неоднозначность и спорность законодательного закрепления русского языка с языками национально-государственных образований. В частности, в Чечне и Туве за титульным языком закрепляется статус государственного. В других случаях (Татарстан и др.) признава-

лось, что государственными языками являются русский язык и язык «титულიной» нации. Существует принцип распределения власти по этническому принципу – в Адыгее, Чувашии приняты законы, устанавливающие ограничения на занятие высших государственных чинов, на которые, включая главу республики, могут рассчитывать только представители «титულიной нации», которые гарантируют «самобытность и целостность» народа. Среди задач языковой практики, стоят также вопросы о реформах письменности. 15 сентября 1999 Госсовет Татарстана принял закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики», вступивший в силу 1 сентября 2001. Планировался поэтапный переход с кириллицы на латинский алфавит в течение целого десятилетия. С осени 2000 г. латиница применяется в ряде школ в виде эксперимента. К концу 2011 г. рассчитывалось завершить переход на латинский алфавит, печатная продукция должна издаваться как на кириллице, так и на основе латинского алфавита [7].

Вопрос культуры письменных традиций перерастает в политический. Но лучшим ответом на этот вопрос может быть мнение самого татарского населения: По данным А. Ф. Валеевой, социологическое обследование жителей Татарстана показало, что и в городе и в селе 45–43% соответственно к этой идее относятся отрицательно и при 31% равнодушных и только 9,2 и 21,9% относятся к этому позитивно [5].

Таким образом, на постсоветском пространстве установился «этнолингвистический национализм», который отчётливо проявляется в заметной политизации проблем национальных языков, законодательном закреплении статуса государственного языка «титულიной» нации при активном влиянии государственных структур на существующие языковые отношения путём регламентации сфер употребления языка [4, С. 309].

Список литературы: 1. Аклаев А. Р. Законодательство о языках и межэтнические конфликты в республиках Российской Федерации // Конфликтная этничность и этнические конфликты, – М., 1999. – 200 с. 2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с. 3. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина / Ред. предисл. и прим. Н. И. Мордовченко. – Л.: Гослитиздат, 1937. – 706 с.: ил. 4. Иванов В. Н. Россия федеративная: Проблемы и перспективы / Под общ. ред. В. Н. Иванова. – М.: ИСПИ РАН, 2004. – 360 с. 5. См. Аргументы и факты. – М., 1994. – № 34. 6. Бенедиктов Н. А. О правовых основах государственной языковой политики [Электронный ресурс] О некоторых терминологических квалификациях языка // . – Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/mrs2003-02/28_492. – Дата обращения: 5.11.2011. 7. Татарский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA. – Дата обращения: 2.11.2011.

*Шостка В. И.
г. Симферополь, Украина*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КРЫМУ: СИТУАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ И РАЗВИТИЕ

Крым за время независимости Украины не раз оказывался на «геополитическом разломе» государственных взаимоотношений не только между Россией и Украиной, но